

ЛЕТ ШЕСТЬ назад мне довелось участвовать в областном празднике школьников в старинном русском городе неподалеку от Москвы. Собственно, это был не праздник, а областное совещание ученических бригад, но шло оно приподнято, празднично, и все было очень здорово, или, как теперь почему-то говорят, «волнительно»: и сами только вступающие в жизнь парни и девушки, и их речи, и даже кукуруза, которую они привезли. Кстати, кукуруза, хотя она и выросла в средней полосе России, была великолепна. Не надо, между прочим, так уж огулом зачеркивать эту культуру. Она, в общем-то, ни в чем не виновата: растет себе, если подходящ климат и усердны земледельцы...

Так вот, на школьном празднике выступала девушка, дочь доярки. Это была очень хорошая девушка, смелая, чистая, трудолюбивая, и говорила она о матери, а мать была знаменитой.

Я и сейчас утверждаю, что мать была настоящей героиней нашего времени: в отсталом колхозе она, в общем-то, бескорыстно, для людей, для общества, для власти, которой была предана с юности, совершала подлинные чудеса. Мало того, что она работала, как говорится, без рывка, денно и нощно, но она еще при почти полной бескорыстии держала сытой закрепленную за ней «группу» и надала от этой «группы», а точнее от пятнадцати коров, много молока, настолько много, что ее, доярку, не могли обогнать не только подружки по ферме, но и женщины из передовых, богатых колхозов, где и в ту пору кормов было вдоволь...

Так что, если учесть те поистине аховые условия, в которых работала эта женщина, она, повторяю, без преувеличения была героиней. И дочь видела это и понимала. И гордилась матерью.

Словом, поначалу все это было правдой: и трудовая доблесть матери, и ее слава. И те награды, которыми увенчивали ее труд, были заслуженными наградами.

Но дочь не знала другого. Не знала дочь, что кому-то из карьеристов показалась недостаточно громкой заслуженная слава доярки. Не очень-то, так решил карьерист, «парадно» ее «показатели». Мало, так опять-таки решил карьерист,

Точность художника

О новой повести В. Тендрякова
«Поденка — век короткий»

одной Золотой Звезды на груди у доярки, надо добывать вторую. И стали добывать. А так как, повторяю, колхоз был отсталым и на ферме не было решительно никакой механизации и кормов не хватало, ее, эту вторую Звезду, стали добывать не на ферме, где ее было трудно или почти невозможно добыть, а в канцелярии, где добыть ее было очень легко. И стали приписывать к тем, добытым в превеликом труде действительным центнерам, которые были, еще и несуществующие, канцелярские центнеры.

Я и до сих пор не знаю, ведала ли доярка о «канцелярских» центнерах. Может быть, и не ведала: она работала, а учет вел προϊдоха-бригадир. А может, и догадалась, но, уже хлебнувшая славы, побоялась бесславия: женщины по натуре честная, она и терзалась, и казнилась, и мучилась, и боялась, что обман раскроется, словом, вела себя в точности так, как Настя Сыроегина, героиня новой повести Владимира Тендрякова «Поденка — век короткий» («Новый мир», № 5, 1965 г.).

Да, я не знаю, ведала мать об обмане или не ведала, но твердо знаю, что дочь не ведала. И когда на слете она говорила о матери и во всем обещала похвалиться на нее, она, чистая девочка, не кривила душой...

А потом, как и водится, обмен раскрылся, карьериста перевели с высокого поста на пост пониже, προϊдоха-бригадир убрал с фермы не то на мельницу, не то на пашку, а в семье у доярки...

Вот что случилось в семье. Дочь, потрясенная этой историей, отказалась от матери, хлопнула дверь и ушла из дому. Мать же с тяжелым нервным расстройством поместилась в больницу...

Я ВСПОМНИЛ об этой трагедии, когда на днях спорил с товарищами о новой повести Владимира Тендрякова. Они, товарищи, которые, так же как и я, являлись поклонниками тендряковского таланта, тем не менее говорили, что на этот раз писатель пошел не сво-

им, не похожим на другие путем, а повторил то, что десять лет назад сделал другой писатель, Сергей Воронин в повести «Ненужная слава». Да, действительно, если оценивать обе повести — и тендряковскую и воронинскую — по счету внешних обстоятельств, они вроде бы и похожи. Но как же по-разному отпечаталось на них время!

Повесть С. Воронина была правдивой и по своей поре бесспорно смелой повестью, но писатель тогда не мог сказать того, что он, может быть, сказал бы о своей героине сейчас. Тогда писатель во всем, что случилось с героиней, винил ее. Он был беспощадеи к своей героине и был бесспорно прав в этой своей беспощадности: да, человек в конце концов сам отвечает за свои поступки, и «неча на зеркало пенять, коли рожа крива». И если воронинская Катя сперва возвысилась на селе благодаря своему труду и таланту, а потом, зазнавшись и очерствев, нравственно пала и потеряла уважение близких, так в этом виновна она.

Но ценность воронинской повести так же бесспорно снижалась тем, что писатель, будучи беспощадеи, так сказать, в плане моральном, не проявил той же ясности и беспощадности, как говорится, в социальном аспекте. Боже упаси, если меня поймут так, что я как бы хочу задним числом зачеркнуть то, что в свое время сделала повесть С. Воронина. Ведь она появилась рядом с повестями, в которых семнадцатилетние девушки, шутя и играя, устраивали перевороты в колхозе, совхозе, а то и в целой области. Воронинская повесть везвала против неправды, просачивавшейся на страницы литературных произведений. — и тем была хороша. И все-таки и в ней не все и не до конца было сказано... Не во всем была виновата Катя! Во многом, как, кстати, и в истории с кукурузой, были повинны тенденции, проявившиеся в жизни, то зло, которое мы зовем в «показу-

хой», и «очковтирательством» и которое, в общем же, гораздо сложнее, чем сами эти явления. Катя была не только жертвой собственных ошибок, но и жертвой внешних обстоятельств, о которых в повести С. Воронина говорилось, но далеко не полным голосом...

Владимир Тендряков всегда, начиная с очерка «Падение Ивана Чупрова», был совершенно определен в своих воззрениях на жизнь. И в этот раз он четко и ясно определил свою позицию по отношению к героине. Нет, не одна Настя Сыроегина должна расплачиваться за зло, в котором и она повинна, так же как и в истории с моей знакомой дояркой не права дочь, которая во всем обвинила мать. Вирус неправды, очковтирательства, показухи — страшный вирус, и чтобы истребить его, надо заниматься не только жертвами, но и разносчиками этого вируса. Более того, «ракеты-носители» вируса неправды достойны и большего осуждения, потому что они растлевают самое дорогое для нас — души людей...

Именно эту мысль вынес я в свое время из повести Сергея Воронина и бесконечно рад, что время и вся обстановка жизни в стране позволили В. Тендрякову высказать ту же мысль с большей откровенностью и определенностью...

ЕЕ ЖЕ ЗАПУТАЛИ, милую, работающую Настю! Если бы еще ее запутали люди, так сказать, равные ей и по возрасту, и по опыту, вина ее была бы больше. Так ведь нет! Запутал ее человек, который и по уму, и по опыту, и по общественному положению выше ее! Запутал человек, которого Настя училась уважать с детства. Тем больше вина его. Тем большее осуждение у нас должен он вызывать — обращался-то он с неопытной, чистой душой, которая именно по неопытности ничего не могла противопоставить его кривде... Но ведь человек этот, председатель колхоза Артемий Богданович, сам в какой-то мере, как и Настя, жертва обстоятельств,

лично от него не зависящих. Другое дело, что именно они, эти обстоятельства, приучили его к морали: «Умный гору обойдет». И все равно ему, пожилому, опытному, нет прощения... И совсем ни при чем тут ни поросята, ни мясо...

Кстати, говоря об этом, я вспомнил один доклад на совещании. Критиковали очковтирателей. Они, очковтиратели, в последний раз сидели в президиуме, а приезжий докладчик бросал им гневно:

— Вы понимаете, как вы нас подвели с мясом...

А я видел в зале совсем не «мясо», а десятки вчера еще чистых, незанятых, верных Родине душ, которых они, очковтиратели и карьеристы, вовлекли в подлейшее дело обмана своего государства. И поэтому так возмутителем был «экономический» подход к проблеме очковтирательства и то, что докладчик полтора часа говорил о мясе, но ничего не сказал о загубленных душах. Сидя Владимир Тендряков в том, что он говорит именно о душах людских и со своей всегдашней публицистичностью, которую некоторые критики объявляют дидактикой, предостерегает людей от неправды и требует нравственного суда над ее носителями.

Но будь Тендряков только публицистом, на этом, на осуждении Артемия Богдановича, дело и кончилось бы. Тендряков — художник, и как художник он рассматривает и Настю, и Артемия Богдановича во всей сложности их характеров. И поэтому он, любя Настю, не выгораживает ее. А осуждая Артемия Богдановича, видит в нем, повторяю, не только виновника, но и жертву.

ХОРОШУЮ, полезную людям, взволнованную — а по языку просто великолепную — повесть подарил нам Владимир Тендряков. Я не пересказываю ее, это не нужно: повести надо читать. Одно только хочется сказать в заключение. Для людей, любящих деревню, это праздник, что Тендряков вернулся в мир, породивший его как писателя. И не потому совсем, что вне деревенской темы этот писатель «слабее», а потому что, судя по последней повести, очень много знает он о деревне и должен, обязательно должен сказать об этом людям.

Георгий РАДОВ.